

В полдень Ван Лин привела всех учеников на специально отведенную для пикников лужайку в парке:

— Ребята, здесь мы пообедаем. У нас есть час времени, и прошу вас не покидать эту лужайку. Конечно, пока вы не уходите с нее, можете свободно гулять. Ну всё, разойдитесь.

Все тут же разбрелись кто куда, взяв свои рюкзаки, и собрались небольшими группами, чтобы пообедать. Гу Мэнмэн, таща за собой ранец, подошла к Чжоу Сяошу:

— Сяошу, давай есть.

— Мама Гу, ну не надо быть такой домохозяйкой, этот тон просто точь-в-точь как у моей мамы.

— Хе-хей, давай-давай, я уже умираю с голоду.

Присев прямо на траву, Чжоу Сяошу открыл рюкзак и достал хлеб на обед. Гу Мэнмэн бросила на него взгляд и устроилась рядом, достав маленький ланч-бокс.

— Ну ты даешь, Мэнмэн, опять упросила маму приготовить тебе бенто? Я же говорил: не смотри так много мультиков, не зацкливайся на этом, а то весь день только и думаешь об этом.

— Это вообще не я просила. Просто после того раза, когда я упросила маму сделать такой ланч, она сама вошла во вкус и теперь ждет любого повода, чтобы снова сотворить подобное. Она сама подсела на это, иногда даже хочет, чтобы я брала этот ланч-бокс в школу каждый день и не приходила домой на обед.

— Тетя Чжэн она просто... — Чжоу Сяошу не знал, как это назвать. Мама Гу Мэнмэн, Чжэн Сяолин, была очень хорошим человеком, но у нее часто случались самые внезапные фантазии. К тому же у Гу Мэнмэн был двоюродный брат по имени Гу Ань, который постоянно подогревал эти диковинные идеи Чжэн Сяолин и помогал воплощать их в жизнь.

Сначала они поболтали и поели, затем собрали упаковки и побросали их в ближайшую урну. Рядом с лужайкой рос небольшой лесок, и Чжоу Сяошу решил сходить туда, попытать удачи и найти немного листьев. Гу Мэнмэн показалось это забавным, и она стала помогать Чжоу Сяошу в поисках.

Листья на земле, как бы целыми и красивыми они ни были, если они опали естественным путем, неизбежно имели легкие желтоватые следы увядания. Листья теряли влагу и начинали скручиваться, поэтому их трудно было спрессовать в страницах книги до идеального состояния. Чжоу Сяошу поднял голову и уставился на листья, которые еще не упали с деревьев. Гу Мэнмэн быстро поняла мысль Чжоу Сяошу, и её взгляд начал скакать по верхушкам окружающих деревьев.

— Сяошу, Сяошу! Смотри туда, разве не красиво?

Чжоу Сяошу посмотрел в ту сторону, куда указывала Гу Мэнмэн пальцем. Он не знал, что это за дерево, листья были узкими и длинными, все сплошь нежного лимонно-желтого цвета, только вдали от кончика, ближе к краям, были зеленые неправильные пятнышки, словно глубоко внутри нефрита явственно проступал изумрудный цвет. Чжоу Сяошу подпрыгнул, мог лишь едва коснуться той ветки. Он не был уверен, что сумеет сорвать лист, не повредив его, и забрать его целиком.

Прыгав довольно долгое время, Чжоу Сяошу так и не нашел эффективного способа достать тот лист. Пока он мучился, протянулась рука, в которой были те самые листья, которые он заметил. Чжоу Сяошу принял их и взглянул вдоль руки — это был У Ган.

— Спасибо. Кстати, как ты их достал? Я прыгал, а едва мог до них дотронуться. — Чжоу Сяошу только сказал это, как понял, что выразился неверно, и поспешно поправился:

— Нет, нет, нет, я не это имел в виду.

— Ничего, я влез и сорвал.

— Ой, ну как можно лазить? А если кто-то увидит? Как же это некрасиво, за порчу деревьев штрафуют.

— Никого нет.

Гу Мэнмэн не выдержала и ткнула Чжоу Сяошу в плечо:

— Да ладно, Сяошу, зачем ты так строго сейчас? Оглянись вокруг, сколько людей просто так висит на деревьях. Скоро сбор, если не будешь искать, опоздаешь на построение.

Услышав эти слова, Чжоу Сяошу осторожно достал из рюкзака книгу, начал перебирать пучок листьев в руке, выбирать те, что посимпатичнее, и вкладывать их в книгу. Потом, прижав книгу к груди, он снова начал искать. Чжоу Сяошу продолжил стратегию поиска листьев на верхушках, не переставая искать свою цель среди крон окружающих деревьев.

Большинство листьев, которые выбирал Чжоу Сяошу, он мог сорвать сам, дотянувшись рукой. Те, до которых нельзя было дотянуться даже на цыпочках или легким прыжком, У Ган влезал на дерево, срывал и передавал Чжоу Сяошу. Весь процесс они почти не общались, но У Ган передавал Чжоу Сяошу именно те листья, на которые тот смотрел. Когда Гу Мэнмэн это увидела, всё время держала рот открытым, выражая почтение к У Гану. У Ган мог точно считывать со взгляда Чжоу Сяошу, какой именно лист из пучка на ветке ему нужен. Такая молчаливая согласованность заставила Гу Мэнмэн почувствовать легкий озноб, и это чувство с каждой минутой усиливалось.

Скоро уже нужно было строиться. Чжоу Сяошу держал в руках книгу, которая явно стала толще. Аккуратно положив книгу в свой рюкзак и застегнув молнию, он посмотрел на У Гана и улыбнулся:

— Спасибо, правда, очень тебе благодарен.

— Ничего.

Хотя в душе он уже ликовал, на лице сохранялось каменное выражение. Это было привычкой, У Ган вряд ли смог бы изменить её за короткое время, да и сам не считал, что делает что-то не так.

Вернувшись домой, Чжоу Сяошу забрался в свою спальню, осторожно достал книгу из рюкзака, бережно разложил листья один за другим на письменном столе — они покрыли всю его поверхность. Чжоу Сяошу перебирал листья в куче: цвет неправильный — вон; края неровные — вон; форма неправильная — вон...

Пройдя через N невероятно строгих условий, Чжоу Сяошу наконец выбрал все листья, которые

хотел. Затем он достал с полки толстый «Современный словарь китайского языка» и вложил эти листья в разные места словаря. Потом вернул словарь на полку. Чжоу Сяошу с удовлетворением посмотрел на корешок словаря и довольной улыбкой.

Вечером, когда Чжао Ли вернулась домой, Чжоу Сяошу достал с полки тот самый словарь с листьями, открыл его, нашел самый удовлетворяющий его лист, подумал немного, но все же перевернул страницу, нашел другой, вытащил его и протянул Чжао Ли:

— Мама, это я сегодня в Ботаническом саду сорвал, очень красиво, правда?

— Угу, очень красивое, спасибо, сынок. — Чжао Ли погладила Чжоу Сяошу по макушке, затем аккуратно вложила лист в руки себе в роман, который читала, и начала переодеваться, чтобы готовить ужин.

Чжоу Сяошу довольный вернулся в свою спальню, лег на свою кровать, неизвестно о чем думая.

На следующий день во время утреннего подъема флага Чжоу Сяошу, который накануне вечером неизвестно о чем думал и поэтому очень поздно лег спать, теперь был очень сонным, стоя не мог удержаться от того, чтобы не кивать головой.

Наконец всё закончилось, вернувшись в класс, Чжоу Сяошу повалился на парту. У Ган достал из ящика маленькую коробочку с охлаждающим бальзамом и тихо положил её на парту Чжоу Сяошу. Чжоу Сяошу чувствовал себя не очень уютно, хотя глаза закрывались от сна, он всё же не мог уснуть, поэтому оперся рукой на парту и сел прямо. Увидев бальзам на парте, он посмотрел на У Гана.

— Намажь немного, проснешься.

— Спасибо, ты и правда Дораэмон, у тебя в ящике, что, другое измерение? — Открыв маленькую круглую коробочку, он набрал немного кончиком указательного пальца и помазал свои виски, мгновенно пришел в себя, закрутил крышку и передал обратно У Гану. — Не говори, эта штука реально работает, у тебя в той коробочке вещей полно, надо глянуть.

Только хотел сунуть голову посмотреть, как вдруг вспомнил о листьях, которые вчера принес, поэтому не стал смотреть в ящик У Гана, а достал из своего учебника по китайскому языку тот самый лист — самый любимый лист Чжоу Сяошу.

На самом деле Чжоу Сяошу думал дать У Гану что-то другое, но как только вспомнил то, что сказал вчера про его маму, в сердце возник комок. Сжав зубы, он достал именно свой самый любимый лист.

Автор хочет сказать: Прежде всего автор повторяет ещё раз — этот роман развивается очень медленно. Что вы хотите от двух младшеклассников? Не говоря уж о том, что это незаконно, физиологически и психологически такое просто невозможно, согласитесь? Но вы можете ожидать развития сюжета дальше, не уходите, ладно? (Автор простирает руки, умоляя вас остаться).